

УДК 94(470)«19» + 001(09)
ББК ТЗ(2)53-7 + Ч23(2)

НАУЧНЫЙ КРУЖОК В РОССИИ КАК ФОРМА НАУЧНОГО БЫТА (НАЧАЛО XX в.)

А.Н. Сперанская

Статья посвящена анализу специфики научных кружков, действовавших в российской исторической науке в 20-е гг. XX века. Автор рассматривает причины возникновения научных кружков, их состав, формы работы. В заключительной части статьи сделан вывод о том, что научные кружки были характерной чертой организации научной повседневности.

Ключевые слова: научные кружки, научное сообщество, российские историки начала XX века.

При изучении научных сообществ в России обращает на себя внимание феномен кружка как особой формы научного быта. Понятие «кружок» и само слово характерны для русской культуры. Во многих англоязычных работах оно транслитерируется и используется как термин – «kruzhok» [1, с. 7]. В данной статье «кружок» понимается как небольшая группа лиц, связанная общими научными интересами, собирающаяся для совместной деятельности вне официальных учреждений. Научный кружок рассматривается как одна из форм повседневного существования научного сообщества, как часть определенного жизненного уклада.

«Кружковая» организация повседневности российских ученых постепенно выростала в XIX веке из салонной традиции. Формирование культу-

ры домашних кружков было связано не только с традицией общения, но и с особенностями политической культуры, сложностью публичного обсуждения острых социальных и политических вопросов. С 1840-х годов домашние интеллектуальные кружки были важной частью быта образованной публики. Таким образом, появление научных кружков во второй половине XIX века опиралось уже на устойчивую традицию.

В истории науки известно большое количество научных кружков, которые действовали в разных отраслях науки. Так, например, среди исторических кружков популярными и известными на рубеже XIX–XX веков были кружки П.Г. Виноградова, А.С. Лаппо-Данилевского, Н.И. Кареева, А.А. Шахматова, Кружок русских историков, Ольденбургский кружок.

Научный кружок в отечественной традиции представлял собой «частное» пространство в противовес «публичной» официальной форме организации науки. Официальные мероприятия в стенах научных учреждений проводились в жестко регламентированных формах, с соблюдением обязательных условностей, что в определенной степени сковывало свободное общение. На первый план выходил статус человека в системе, его должность. Поэтому непринужденное дружеское обсуждение вопросов стало переноситься в неформальное «домашнее» пространство.

Научные кружки обычно собирались на квартире одного из участников. Для собраний, как правило, отводились определенные дни и время. На заседаниях кружка шло активное обсуждение научных проблем, происходил обмен научными работами, идеями, новостями. Само обсуждение протекало в непринужденной форме, что давало возможность свободно высказаться всем присутствующим.

Эта традиция сохранялась и в первые послереволюционные годы. По воспоминаниям Н.С. Штакельберг, в 1918–1925 гг. среди молодых ученых Ленинградского университета, в большинстве своем гуманитариев, стали возникать разнообразные кружки и объединения [6, с. 30]. Обычно это были небольшие группы ученых, объединявшихся вокруг своих университетских наставников. В этот период функционировали кружки М.Д. Приселкова, И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественской, Н. И. Кареева, Е.В. Тарле, А.И. Заозерского, кружок памяти А.С. Лаппо-Данилевского, «Новый Арзамас» и др. Практически все известные ученые участвовали в деятельности научных кружков. Многие историки посещали собрания нескольких кружков. Так, например, Б.А. Романов посещал Кружок молодых историков и собрания по средам у Е.В. Тарле [5, с. 82–83]. А. А. Введенский участвовал в работе кружка памяти А.П. Лаппо-Данилевского и в Кружке молодых историков [2, с. 83].

Существование кружков в послереволюционный период было не только продолжением традиции. Учебные заведения существовали в тяжелых бытовых условиях, вызванных разрухой и гражданской войной. Н.И. Кареев вспоминал, что «аудитории не топились, посещались малым количест-

вом слушателей..., часто не было никакого освещения» [4, с. 274]. Поэтому, многие профессора, изыскивая любые возможности создать более комфортные условия для обучения, начинали переносить занятия к себе на дом. «Работали на дому у профессоров А.Е. Преснякова, А.И. Заозерского, М.А. Полиевктова, И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественской и многих других» [6, с. 30].

Еще одной причиной возникновения многочисленных кружков в 20-е годы XX в. стало усиление контроля над исследованиями со стороны власти, особенно в области общественных наук, внедрение марксистской идеологии, постоянные реорганизации всей системы образования, преследования «старых» специалистов. Советская власть проводила политику вытеснения из университетов старой профессуры, и заменой их на малоквалифицированные партийные кадры. В этих условиях для многих ученых кружки давали возможность продолжать свои исследования, сохранить научное общение с коллегами. Например, по показания Е.В. Тарле, образование кружка М.Д. Приселкова, было связано с его удалением из университета, а увольнение И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественской также активизировало работу их кружков [2, с. 83–84].

Мемуары Н.С. Штакельберг, позволяют выделить некоторые черты научных кружков на примере функционировавшего в 1920–1927/28 гг. Кружка молодых историков. Его основной целью было «ознакомление... с готовыми работами, имевшимися у каждого в портфеле, но еще не опубликованных из-за трудностей с печатанием и нигде не доложенных» в неформальной обстановке [6, с. 34]. В кружок входило около 20–30 человек. Состав не был четко определен, и сами посещения были необязательными. Собрания происходили по пятницам 2 раза в месяц, преимущественно на квартире у Н.С. Штакельберг.

Основной формой работы кружка были научные заседания, где зачитывались доклады участников. Темы докладов выбирались по желанию из области научных интересов каждого участника. После доклада следовало его обсуждение, иногда очень эмоциональное, и после основного доклада – обсуждение новинок научной литературы.

Таким образом, домашние научные кружки в 20-х гг. были важным способом научной коммуникации. Активная научная деятельность в кружках значительно дополняла, расширяла пространство официальной науки. Кружки давали возможность ученым сохранить относительную свободу научного творчества.

После научных обсуждений обычно устраивались вечеринки и чаепития. В большинстве воспоминаний участников различных научных кружков отмечается, что обязательно было какое-нибудь угощение: чай, бутерброды, что и способствовало созданию «домашней» атмосферы. Традиции совместных угощений сохранялась и в самые тяжелые голодные годы. Н.С. Штакельберг вспоминает: «На первое заседание Кружка, каждый принес с со-

бой кусочек сахару, кусочек хлеба и полено... Я сделала все, от меня зависящее, чтобы гостиная и столовая выглядели уютно» [6, с. 35].

Позже, с улучшением материального положения в научной среде, все участники стали вносить небольшую сумму для устройства вечеринок. Изменился и внешний вид: мужчины стали приходили в отглаженных брюках и белых воротничках, дамы – в нарядных платьях и туфлях. Н.С. Штакельберг неоднократно подчеркивала, что «никто из членов Кружка не тяготился приготовлениями к вечеринкам, наоборот, все это было источником веселья и предлогом для развлечения и дружеской близости друг с другом» [6, с. 38].

Именно такая «дружеская близость» и была важнейшей составляющей любого кружка. Н.С. Штакельберг отмечает, что из профессуры кружок регулярно посещал Е.В. Тарле, который был «близок к университетской молодежи». А вот С.Ф. Платонова не приглашали, потому что «такой непосредственной простоты отношений, какая была у молодежи с Е.В. Тарле, с С.Ф. Платоновым не было и не могло быть. Платонов в любой обстановке оставался академиком и «тайным советником» и держал себя так, что никто этого не забывал» [6, с. 36].

Необходимо отметить, что одним из принципов существования любого кружка было исключение «посторонних» людей. Если мероприятия в стенах официального научного учреждения потенциально были открыты для всех, то домашний формат встреч предполагал наличие приглашения, которое получают не все. Приглашение означало определенную степень доверия к человеку и признание его в своем кругу. Так и в кружок молодых историков по признанию Н.С. Штакельберг «допускали только «своих» и годами скрывали существование Кружка от партийной организации Университета и от русского историка Михаила Мироновича Цвибака, единственного члена ВКП(б) на кафедре русской истории» [6, с. 46].

Независимость кружков, их не подконтрольность официальным структурам, в конечном итоге привела к столкновению с оформлявшейся в это время новой научной системой. Пример Кружка молодых историков в этом случае показателен. Принадлежность к кружкам рассматривалась ОГПУ как нелегальная контрреволюционная деятельность. Это дало повод к арестам участников исторических кружков в рамках «Академического дела». Закрытый, непубличный характер кружков вступал в противоречие с новыми формами научной организации и стремлением государства установить монополию на научное знание. Кружки, являющиеся одной из форм самоорганизации ученого сообщества, в глазах советской власти не имели права на существование.

Но, не смотря на разворачивающиеся против ученых репрессии со стороны власти, кружковая форма научного быта сохранится. И в структуре советской науки будут возникать и действовать различные кружки [3, с. 7]. И это еще раз подтверждает, что научные кружки были неотъемлемой частью российской науки в любой период, не зависимо от существующей власти.

Библиографический список

1. Александров, Д.А. Историческая антропология науки в России: статья / Д.А. Александров // Вопросы истории естествознания и техники. – 1994. – № 4. – С. 3–22.
2. Ананьич, Б.В. О воспоминаниях Н.С. Штакельберг: статья / Б.В. Ананьич // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. – СПб.: Феникс; Athenium, 1999. – С. 77–86.
3. Балакина, Л.П. Интеллектуальный капитал уральской социальной науки: история и современность: статья / Л. П. Балакина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2009. – Вып. 13. – С. 6–9.
4. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое: воспоминания / Н.И. Кареев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 384 с.
5. Панеях, В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов : монография / В.М. Панеях. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. – 448 с.
6. Штакельберг, Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело»: статья / Н.С. Штакельберг // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. – СПб.: Феникс; Athenium, 1999. – С. 19–77.